

ПИСЬМА

А. С. ПУШКИН — П. Я. ЧААДАЕВУ

19 окт. <1836 г.>

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали¹. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника². Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами³. Нет сомнения, что схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана⁴, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы Реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не

принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана⁵, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре⁶, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр I, который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили... Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передавали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление. Надеюсь, что ее не будут раздувать. Читали ли вы 3-й № «Современника»? Статьи «Вольтер» и «Джон Теннер» — мои, Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором. Прощайте, мой друг. Если увидите Орлова <?> и Раевского <?>⁷, передайте им поклон. Что говорят они о вашем письме, они, столь посредственные христиане?

А. С. ПУШКИН — П. Я. ЧААДАЕВУ
(черновик)

19 октября 1836 г.
Петербург

Петр Великий [уничтожил] укротил дворянство [указом], опубликовав Табель о рангах, духовенство — [положив свою шпагу] отменив патриаршество [(NB Наполеон говорил Александру: вы сами у себя поп, это совсем не так глупо)]. Но одно дело произвести революцию, другое дело это [ее сохранить] закрепить ее результаты. [До Екатерины II продолжали у нас революцию Петра, вместо того, чтобы ее упрочить.] Екатерина II еще боялась аристократии; [и не поставила границ тем] Александр сам был [революционером якобинцем]; Вот уже 140 лет как *Табель о рангах* сметает дворянство¹; и нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке (читали ли вы Токвиля? [он напугал меня] я еще весь разгорячен его книгой и совсем напуган ею).

Что касается духовенства, оно вне общества [потому что борода-то — вот и все] оно еще бородато. [Его нигде не видно, ни в наших гостиных, ни в литературе, ни в] Оно не принадлежит к хорошему обществу. Оно [не выше народа] не хочет быть народом. Наши государи сочли удобным оставить его там, где они его нашли. Точно у евнухов — у него одна только страсть — к власти. Потому его боятся. И [я знаю] кого-то² [кто] несмотря на всю свою твердость, согнулся перед ним в одном важном вопросе — [что в свое время меня взбесило].

[Вы из этого заключаете, что мы не] Религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам

ну и прекрасно, но не следовало этого говорить.

Ваша брошюра произвела, кажется, большое впечатление. Я не говорю о ней в обществе, в котором [нахожусь].

Что надо было сказать и что вы сказали — это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; [что оно не заслуживает даже], что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что есть справедливость, право и истина; [это циничное презрение] [ко всему], что не является [материальным, полезным] необходимостью. Это циничное презрение к мысли, [красоте] и к достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки [цензуре], но как правду), что правительство все-таки единственный Европейец в России³

[и что несмотря на все то, что в нем есть тяжкого, грубого, циничного] И сколь бы грубо [и цинично] оно ни было, только от него зависело бы стать во сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания.

[Завоевания [Игоря] Рюрика [и Олега] стоят завоеваний Нормандского Бастарда]. Юность России [развилась] весело прошла в набеги Олега и Святослава и даже [в том порядке вещей] в усобицах, которые были только непрерывными поединками — следствием того брожения и той активности, свойственных юности народов, о которых вы говорите в вашем письме.

Нашествие — печальное и великое зрелище — да, нашествие татар, разве это не воспоминание <...>

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ — МИТРОПОЛИТУ СЕРАФИМУ

21 октября 1836

Высокопреосвященнейший владыко, милостивейший архипастырь! Прожив более полувека, я никогда ничьим не был обвинителем. Но вчера чтение одного московского журнала возбудило во мне негодование, которое, постепенно умножаясь, довело меня до отчаяния. В сем положении не нахожу другого средства к успокоению своему, как прибегнуть к Вашему Высокопреосвященству с просьбою обратить пастырское внимание Ваше на то, что меня так сильно встревожило. Иные скажут, может быть, что я не вправе сего делать, но как верный сын отечества и православной церкви я считаю сие обязанностью.

Самая первая статья представляемого у сего журнала, под названием «Телескоп», содержит в себе такие изречения, которые одно только безумство себе позволить может. Читая оные, я сначала не доверял своим глазам. Многочисленнейший народ в мире, в течение веков существовавший, препрославленный, к коему, по уверению автора статьи, он сам принадлежит, поруган им, унижен до невероятности. Если Вашему Высокопреосвященству угодно будет прочитать хотя половину сей богомерзкой статьи, то усмотреть изволите, что нет строки, которая бы не была ужаснейшею клеветою на Россию, нет слова, кое бы не было жесточайшим оскорблением нашей народной чести.

Меня утешала еще мысль, что сие так называемое философическое письмо, написанное по-французски, вероятно, составлено каким-нибудь иноверцем, иностранцем, который назвал-

ся русским, чтобы удобнее нас поносить. Увы! К глубочайшему прискорбию узнал я, что сей изверг, неистощимый хулитель наш, родился в России от православных родителей и что имя его (впрочем, мало доселе известное) есть *Чаадаев*. Среди ужасов Французской революции, когда попираемо было величие Бога и царей, подобного не было видано. Никогда, нигде, ни в какой стране, никто толикой дерзости себе не позволил.

Но безумной злобе сего несчастного против России есть тайная причина, коей, впрочем, он скрывать не старается: отступничество от веры отцов своих и переход в латинское исповедание¹. Вот новое доказательство того, что неоднократно позволяя я себе говорить и писать: безопасность, целость, благосостояние и величие России неразрывно связаны с Восточною верою, более осьми веков ею исповедуемою. Сею верою просветилась она во дни своего младенчества, ею была защищена и утешаема во дни унижения и страданий, ею спасена от татарского варварства и с нею вместе восстала во дни торжества над бесчисленными врагами, ее окружавшими. Стоит только принять ее, чтобы соделаться совершенно русским, стоит только покинуть ее, чтобы почувствовать не только охлаждение, омерзение к России, но даже остервенение против нее, подобно сему несчастному, слепотствующему, неистовому ее гонителю. Разъединению с западной церковью приписывает он совершенный недостаток наш в умственных способностях, в понятиях о чести, о добродетели; отказывает нам во всем, ставит нас ниже дикарей Америки, говорит, что мы никогда не были христианами и в исступлении своем наконец нападает даже на самую нашу наружность, в коей видит бесцветность и немоту.

И все сии хулы на отечество и веру изрыгаются явно, и где же? В Москве, в первопрестольном граде нашем, в древней столице православных государей, совершается сие преступление! И есть издатель, который не довольствуется поместить статью сию в журнале, но превозносит ее похвалами как глубокомысленнейшее произведение высокого ума, и он грозит еще другими подобными письмами! И есть цензура, которая все это пропускает! Кто знает, будут и люди, которые с участием и одобрением будут читать оное. О Боже! До чего мы дожили!

Самая святая и соборная апостольская церковь вопиет к Вам о защите: при ее священном глазе моления мои ничто. Вам, Вам предстоит обязанность объяснить правительству пагубные последствия, которые проистекут от дальнейшей снисходительности, и указать на средства к обузданию толиких дерзостей.

Может быть, кто-нибудь и предупредит меня: дай, Всевышний, чтобы прежде моего тысячи голосов воззвали к Вашему Высокопреосвященству о скорой помощи.

С глубочайшим благоговением честь имею быть, милостивейший архипастырь, Вашего Высокопреосвященства всепокорнейший слуга

*Филипп Вигель,
действительный статский советник,
управляющий Департаментом духовных
дел иностранных исповеданий.*

А. И. ТУРГЕНЕВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ и П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
(отрывок)

<24. X. 1836

<...> Я и сам не на шутку попал на Ч<аадаева>, как скоро узнал, что письмо его напечатано, да и он за мое нападение тогда не на шутку на меня рассердился, но с тех пор как вся Москва, от мала до велика, от глупца до умного, от [В. Б.]¹ до Боратынского опрокинулась на него и он сам пришел в какую-то робость, мне уже и жаль его стало. Он желал, чтоб я написал к тебе, что письмо это написано в 1828 г. Написано не для печати и у него выпрошено (между нами: это не оправдание совершенное, и он сам раскаивается, что отдал его в печать). Одно опровержение печатается в «Наблюд<ателе>», другое пишет Боратынский, но первое — слабо, а дамское восстание на него напоминает, говорят, подобное за «Горе от ума». Я ожидал от вас, т. е. от Вяз<емского>, слухов о действии письма в П<етер бурге>. <...>

Д. П. ТАТИЩЕВ — С. С. УВАРОВУ

26 октября 1836

Филиппика Чаадаева, которую я Вам возвращаю, может возбудить только негодование и отвращение. Меня это возмущает. Под прикрытием проповеди в пользу папизма автор излил на свое собственное такую ужасную ненависть, что она могла быть внушенной ему только адскими силами. Опровергнуть это пи-

сание было бы нетрудно, потому что его заключения выведены из противоречивых фактов. Где это XV веков единения между христианами Запада? До IX, и даже позже, половина Германии, Скандинавия, Богемия, Венгрия были языческими странами; в те времена готы в Испании были арийцами. Ломбардские короли притесняли папу, так что духовная власть обязана своим блеском покровительству Карла Великого. Сравнение народов Запада с Греческой империей не заслуживает доверия. Упадок этой страны в эту эпоху — исторический факт, но где та нация, которая имела право презирать византийцев? Беспорядок был в Италии, в Испании; история наследников Карла Великого во Франции — это собрание ужасов. Произведение отвратительное. Факт его опубликования очень важен для правительства; он доказывает существование политической секты в Москве; хорошо направленные поиски должны привести к полезным открытиям по этому поводу¹. Принадлежит ли автор к тайным обществам, но в своем произведении он богохульствует против святой православной церкви. Он должен быть выдан церкви. Одинокство, пост, молитва пришли бы на помощь пастырским внушениям, чтобы привести домой заблудшую овцу. Dixi. Vale et me ama*.

МИТРОПОЛИТ СЕРАФИМ — А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

Ваше сиятельство, милостивый государь!

В январе месяце 1835 года Ваше сиятельство объявили мне лично Высочайшую Его Императорского Величества волю, чтоб в таких случаях, когда в издаваемых для всеобщего употребления сочинениях усматриваемы будут противные вере, нравственности и общественному устройству суждения либо неблагонамеренности, сообщал я замечания свои на то Вашему сиятельству для доведения до Высочайшего сведения.

Обращая на таковой предмет внимание свое, усмотрел я, что в пятнадцатой книжке периодического издания под названием «Телескоп», вышедшей в Москве из печати в сентябре сего 1836 года, помещены две такие статьи, в коих все, что для нас, россиян, есть священного, поругано, уничижено, оклеветано с невероятною дерзостью и с жестоким оскорблением как для народной чести нашей, так для правительства и даже для испо-

* Я все сказал. Будьте здоровы и любите меня (лат.).

ведуемой нами православной веры. *Первая* из таковых статей есть *философическое письмо*, сочиненное, как сказано в примечании издателя, одним из наших соотечественников на французском языке и предлагаемое в русском переводе с обещанием дальнейшего продолжения. Суждения о России, помещенные в сей негодной статье, столько оскорбительны для чувства, столько ложны, безрассудны и преступны сами по себе, что я не могу принудить себя даже к тому, чтоб хотя одно из них выписать здесь для примера. Они, в особенности, заключаются на страницах 280, 281, 282, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299¹.

Всего удивительнее, что издатель «Телескопа», отважившийся напечатать во всеобщее известие столь негодную, безрассудную и наполненную самою наглою ложью статью, почитает оную, как значится из собственного его на первом листке примечания, украшением своего журнала, находит в ней возвышенность предмета вместе с глубиной и обширностью взглядов и поставляет на особенное внимание читателей.

<...> Не могли представить себе, как возможно русскому издателю журнала дойти до такой дерзости, чтоб распространять между соотечественниками столь преступные хулы на отечество, веру и правительство свое, я долгом поставляю препроводить при сем к Вашему сиятельству в подлиннике вышеозначенную пятнадцатую книжку «Телескопа» и прошу покорнейше все замеченные в ней места довести до Высочайшего Государя Императора сведения. С истинным высокопочтанием и совершенною преданностию имею честь быть Вашего сиятельства, милостивого государя...

<Подлинное отправлено за подписанием Его Высокопреосвященства>.

Октября 27-го дня, 1836.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. ТУРГЕНЕВУ
(отрывок)

*28 октября <1836,
Петербург>*

<...> Пришли мне по оказии, что будет, и сообщу по оказии несколько московских коммеражей, чтобы сличить их с здешними. Грустно, а сами виноваты, до непростительности виноваты.

ты! Точно лунатики: живут в луне и не знают, как подобает жить на земле. Никого не уверишь здесь, что нет тут преступной неблагонамеренности и обдуманного замысла. Впрочем, со стороны оно так и кажется. Зная лица, знаешь, что тут всего-навсего, с одной стороны — непомерное самолюбие, раздраженная жажда театральной эффектности и большая неясность, зыбкость и туманность в понятиях; а с другой стороны — какая-то закоснелая тупость, бесчуткость, особенно свойственная нашим литераторам и журналистам, а может быть, и коммерческий расчет умножить расход на журнал; но и тут пробивается та же глупость и неведение того, что можно и чего нельзя¹. Самоотвержения, мученичества тут, разумеется, нет; не говорю уже о том, что и вольная страсть была бы в этом случае нелепость, потому что ни к чему приложить бы ее нельзя. Что за глупость пророчествовать о прошедшем? Пророков и о будущем сажают в желтый дом, когда они предсказывают представление света, а тут предсказание о бывшем представлении народа. Это верх безумия! И думать, что народ скажет за это спасибо за то, что выводят по старым счетам из него не то что ложное число, а просто нуль! Такого рода парадоксы хороши у камина для оживления разговора, но далее пускать их нельзя, особенно же у нас, где умы не приготовлены и не обдержаны прениями противоположных мнений. Даже и опровергать их нельзя, потому что опровержение было бы обвинением, доносом. Тут вышел бы спор не об отвлеченном предмете, а бой рукопашный за свою кровь, за прах отцов, за все свое и за всех своих. Как же можно вызывать на такой бой, заводить такой спор? <...>

